
Е. Г. Сосновцева

МЕТОДЫ РЕДАКТИРОВАНИЯ ЖИТИЙНОГО ТЕКСТА XVII в.
(на материале житий Юлиании Лазаревской и Паисия Угличского)¹

К XVII в. житийный жанр, постоянно подпитываемый новыми оригинальными произведениями, создававшимися в связи с установлением церковного почитания все новым местным святым, не только полностью оформился, но и переживал определенную трансформацию и влияние новых литературных тенденций².

Вместе с тем тексты поздних житий в большинстве своем остаются стабильными как со стороны содержательной, так и с точки зрения языка памятников³. Церковнославянский язык, на котором создавались произведения поздней агиографии, как правило, реализует языковые представления, почерпнутые из авторитетных текстов и закрепленные в грамматиках XVII в.

Сочетание этих до некоторой степени противоречивых особенностей делает интересными наблюдения над методами и приемами, которыми пользовались книжники позднего Средневековья для решения конкретных задач по преобразованию традиционного текста. В связи с этим анализируются два памятника агиографии XVII в.: Житие Юлиании Лазаревской и Житие Паисия Угличского. Сопоставление этих памятников позволяет выявить два различных направления редакторской правки и определить, каким образом преобразовываются исторические и бытовые реалии в позднем агиографическом тексте.

Рассматриваемые памятники изучены в разной степени. Житие Юлиании Лазаревской, созданное в начале XVII в. ее сыном Дружиной Осорьиним, неоднократно привлекало внимание исследователей в связи с жанровым своеобразием, литературной историей и языковыми особенностями. Проблема жанровой принадлежности произведения решается исследователями

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ (гранты НШ-3433.2010.6 и МК-1404.2010.6).

² Изменениям в произведениях местной агиографии посвящены работы М. Д. Каган-Тарковской, см., например: *Каган-Тарковская М. Д.* Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке (жития Адриана и Ферапонта Монзенских, Трифона Вятского, Симона Воломского, Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского, Никандра Псковского) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 122–132.

³ О литературной традиции и структуре агиографического текста см., например: *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534; *Руди Т. Р.* Типика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика.* СПб., 2005. С. 59–101. О привлечении нескольких агиографических текстов при создании Жития Кирилла Новоезерского в конце XVI в. см.: *Карбасова Т. Б.* Литературные источники жития Кирилла Новоезерского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 332–365.

по-разному: так, М. О. Скрипиль относит жизнеописание Ульянии Осорьбиной к жанру светской повести⁴, тогда как Т. Р. Руди видит в нем житие, реализующее основные традиционные мотивы житий праведных жен⁵. Сочетание строгого агиографического канона с описанием множества жизненных, бытовых подробностей и черт характера героини было отмечено Ф. И. Буслаевым, В. О. Ключевским, Д. С. Лихачевым⁶. Язык памятника (в ряду других житий и повестей конца XVI – XVII в. и в сопоставлении с материалами грамматики Мелетия Смотрицкого) анализируется М. Л. Ремневой с целью выявления особенностей функционирования грамматических черт церковнославянского языка в произведениях разных жанров⁷. Т. Р. Руди подробно исследовала текст и литературную историю Жития Юлиании Лазаревской, а также осуществила научное издание текста с привлечением 50 списков памятника⁸.

Житие Паисия Угличского никогда не было предметом столь пристального внимания исследователей. Оно известно в двух основных редакциях, при этом считается, что краткая редакция была создана при подготовке канонизации преподобного в конце XVI – начале XVII в.⁹, а пространная несколько позже, так как в ней упоминаются события начала XVII в. (1609 г.). Житие представляет собой памятник местной агиографии. Мне известно 15 списков Жития (6 списков краткой редакции и 9 списков пространной; см. перечень источников в конце статьи), из которых 4 указаны М. Д. Каган в статье для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»¹⁰. В 1873 г. житие было опубликовано по двум неизвестным спискам в «Ярославских епархиальных ведомостях»¹¹, научного издания текста не существует. Таким образом, Житие Паисия Угличского было распространено мало и бытовало в основном в кругу местных угличских агиографических памятников. Не случайно 5 из 9 известных списков пространной редакции находятся в составе рукописей, содержащих жития и других угличских святых (Ал.-Нев. А-47; Тит. 2642; Вяз. Q. 37; Археогр. 223; Уг. 6358). Большинство рукописей, в которых читается пространная редакция Жития Паисия, выполнено на бумаге угличской фабрики, в разные годы принадлежавшей купцам Александру и Максиму Переяславцевым и Лаврентию Попову и его наследникам¹².

Вопрос о времени и даже самом факте канонизации преподобного Паисия не решен до сих пор¹³. Основным предметом внимания исследователей, обращавшихся к памятнику начиная с XIX в., стало выявление и объяснение многочисленных спорных сведений и анахронизмов, содержащихся в тексте Жития; при этом многое из того, о чем говорится в Житии, принимается исследователями, как представляется, некритически и требует дополнительного изучения¹⁴.

⁴ Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьбиной (Комментарии и тексты) // ТОДРА. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 157, 260.

⁵ Руди Т. Р. Типика русских житий (вопросы типологии). С. 96–98; Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьбиной) / Исследование и подготовка текста Т. Р. Руди. СПб., 1996. С. 88, 96, 99.

⁶ Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 338–350; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 266; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 104–106.

⁷ Ремнева М. Л. Литературный язык Древней Руси. М., 1988. С. 84–115.

⁸ Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьбиной).

⁹ Голубинский Е. Е. История канонизации русских святых. М., 1894. С. 108; Каган М. Д. Житие Паисия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. (Вторая половина XIV – XVI в.) Ч. 1. С. 317.

¹⁰ Каган М. Д. Житие Паисия Угличского. С. 318.

¹¹ Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 16–22. Ч. неофиц. С. 127–181.

¹² Клепиков С. А. Филлигрны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 32–33. Угличские списки пространной редакции Жития Паисия читаются в рукописях из Российской национальной библиотеки (Ал.-Нев. А-47, XVIII в. Тит. 2642, XIX в. Вяз. Q. 37, XVIII в.), Библиотеки Академии наук (Археогр. 223, XVIII в.), Государственного исторического музея (Сок. 53, XIX в.; Барс. 869, XIX в.; Востр. 990, XIX в.).

¹³ Горстка А. Н. Угличский Покровский монастырь: Очерки истории и культуры XV–XX вв. Углич, 2009. С. 12–15.

¹⁴ Так, традиционно обсуждаются вопросы о времени и месте рождения преп. Паисия и принятия им пострига, а также о том, кто и когда основал Покровский монастырь (см. подробнее: Антоний, арх. Угличский Покровский монастырь. Ярославль, 1870; Петр Невский, свящ. Родина преп. Паисия, основателя Угличского Покровского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. 1896. № 13. Ч. неофиц. С. 206–207; Раменский Ю. Детство, отрочество и юность преп. Паисия, Угличского чудотворца // Там же. 1900. № 2. Ч. неофиц. С. 17–22).

Изучение истории текста Жития Паисия Угличского и Жития Юлиании Лазаревской позволяет с большой степенью уверенности предположить, что пространные редакции памятников появились путем включения в некий первоначальный текст фрагментов различного содержания. В случае с Житием Паисия Угличского речь идет, по-видимому, о распространении непосредственно текста краткой редакции (возможно, с привлечением дополнительных устных и письменных источников). Сопоставление пространной и краткой редакций Жития Юлиании Лазаревской, согласно исследованию Т. Р. Руди, позволяет предположить, что «Краткая и Пространная редакции Жития Юлиании Лазаревской имели в своей основе не дошедший до нас источник — первоначальную редакцию, причем Краткая редакция во многом сохранила архетипный текст, Пространная же значительно его расширила»¹⁵. Однако и в данном случае составление пространной редакции связано с распространением первоначального текста.

Вместе с тем цели подобного распространения в рассматриваемых случаях были, по-видимому, различны. Житие Юлиании Лазаревской, в краткой редакции действительно приближающееся к жанру повести, в пространной редакции в значительно большей степени (и по большему числу формальных, структурных признаков) соответствует агиографическому канону. Составление пространной редакции Жития Паисия Угличского, наоборот, связано с включением в уже существовавший текст повествовательных отрывков, посвященных истории устройства Покровского монастыря, времени княжения в Угличе Андрея Васильевича Большого, дружбе преподобного Паисия и строителя Учемской пустыни преподобного Кассиана. В целом соответствуя основным тенденциям развития агиографического жанра в XVII в.¹⁶, пространная редакция Жития Паисия, как представляется, призвана поместить жизнеописание основателя (согласно Житию) Покровского монастыря в контекст истории Углича второй половины XV в.

Итак, изменение текста в одном случае было направлено на придание житию более канонического вида (предположительно составление пространной редакции Жития Юлиании Лазаревской было связано с подготовкой канонизации святой), а в другом — выражалось во включении в лаконичную краткую редакцию исторических обстоятельств и бытовых подробностей жизни преподобного. Однако хотя содержательное направление распространения двух памятников не совпадает и составители пространных редакций преследуют разные цели, повествовательные фрагменты, которыми распространяется первоначальный текст в обоих случаях, во многом близки как по структуре, так и по содержанию. Рассмотрим некоторые случаи вставок.

Замечено, что значительная часть фрагментов, отличающих пространную редакцию Жития Юлиании Лазаревской от краткой — это цитаты из Священного Писания и святоотеческой литературы, при этом отмечается высокий уровень книжной образованности автора¹⁷.

Представление о необходимости цитирования Священного Писания в житийном тексте реализовано в пространной редакции Жития Юлиании Лазаревской наглядно и, с точки зрения агиографической традиции, ученически усердно. Цитаты вводятся в текст при помощи глаголов речи, иногда повествование прерывается цепочкой цитат; их источник, как правило, указан. В примере (1) фрагменты текста, оформляющие цитаты, выделены курсивом:

(1) И тако пожив с мужем лета довольна во мнозе добродетели и чистоте по закону Божию, и роди сыны и дщери (С. 108) / И тако поживши с мужем своим лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону Божию, и родивши десять сынов и три дщери. От них же четыре сына и две дщери во младенчестве умроша, шесть же сынов и едину дщерь воспита. И о сем славяше Бога, слыша бо Павла, к Тимофею глаголюща: «Жена спасется чадородия ради». О умерших

¹⁵ Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорбиной). С. 74–75.

¹⁶ О нарушении традиционной композиционной структуры в поздних агиографических памятниках см.: Каган-Тарковская М. Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке (жития Адриана и Ферапонта Монзенских, Трифона Вятского, Симона Воломского, Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского, Никандра Псковского). С. 130, 132.

¹⁷ Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорбиной). С. 68.

же младенцев благодаряше Бога, по *Иову глаголюще*: «Господь даде, Господь и взят». *Слыша бо Златоустово слово*: «Блаженных младенцев блаженное почитание. О чем имут дати ответ, ничтоже искуса греховнаго не сотворше? Причтени бо суть со Иовлевыми сыны и со избивенными младенцы, и со аггелы Бога славят, и о родителех Бога молят». И того ради о умерших чадах не скорбяше, а о живых веселящеся (С. 129–130)¹⁸.

Характерный пример оформления подборки цитат: «яко же рече Великий апостол Павел... и паки... но слыша того апостола, вещающа... и паки инде реченно...» (С. 125).

Многочисленные цитаты в пространной редакции Жития Юлиании Лазаревской не только выступают в роли маркера жанра, придавая тексту более канонический по сравнению с краткой редакцией вид, но и выполняют дополнительную функцию: они призваны обосновать особый статус святой-мирянки¹⁹. Подкрепляя положения о возможности спасения в миру, подобные цитаты выполняют, в терминологии Р. Пиккио, роль библейских тематических ключей и задают «двойной уровень прочтения», при котором «словесные знаки должны были толковаться при помощи двойного кода — их непосредственного контекста и исходного образца»²⁰.

Гораздо реже распространяет уже существующие в краткой редакции фрагменты текста библейскими цитатами составитель пространной редакции Жития Паисия Угличского. Такие цитаты, как правило, внесены без указания источника. Так, в «Слово о преставлении преподобного» включен фрагмент, дополняющий напутственное слово святого и содержащий отсылку к Евангелию от Матфея (Мт. 25: 35–40); вставка оформлена как прямая речь:

(2) *яко бо рече страннаго прѣемлай, то же самаго в нѣмъ хрѣта прѣемлай: и напивоуамай ачюшгы и жаждащѣа напай и нагяа удѣваа, сироты же милва и изастпаа: то всѣ самомъ хрѣтѣ творитъ и жизнь вѣчню тако сотворше наслѣдитъ...* (Ал.-Нев. А-47. Л. 266–266 об.).

Очевидно, в задачи составителя пространной редакции не входило усиление библейских параллелей. Корпус цитат из Священного Писания и библейских реминисценций во вступлении, описании юности и пребывания в Троицком Калязинском монастыре, в слове о преставлении и краткой похвале (т. е. в общих частях обеих редакций) в основном совпадает²¹.

Набор риторических средств, привлекаемых составителями Жития Паисия Угличского на разных этапах обработки текста, в целом традиционен (от введения дополнительных сравнений и эпитетов до амплификации), хотя и варьируется в разных списках (вариантах) пространной редакции. Можно предположить, что некоторые особенности связаны с индивидуальными предпочтениями переписчиков (редакторов).

Так, для списка пространной редакции Тит. 2642 характерно многопредложие, стилистическое использование повторов, замена монологических конструкций полинегативными (в примерах (3)–(5) повторяющиеся элементы выделены курсивом):

(3) *или от врага или от ненавесника добротворных дѣл сие бысть* (Л. 114 об.);

(4) *и вси людие видеша тогда вси чловѣцы, иже житие имуще на освящение то* (Л. 132 об.);

¹⁸ Здесь и далее Житие Юлиании Лазаревской цит. по изд., подготовленному Т. Р. Руди (Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорбиной). С. 103–140). В первой части примеров приводится отрывок из краткой редакции, во второй — из пространной редакции Жития Юлиании. Фрагменты текста, отличающие пространную редакцию Жития от краткой, выделены курсивом.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 436. Ср. также: «...чтобы обеспечить понимание “высшего”, то есть “духовного”, смысла своих произведений, средневековые православные книжники прибегали к помощи отмеченных *тематических ключей*, превращая их в “мосты” для преодоления смысловых лакун» (Там же. С. 466).

²¹ Т. Б. Карбасова проанализировала комплекс библейских цитат в составе Жития Кирилла Белоозерского, что позволило выявить цитаты, включенные в текст Жития непосредственно его автором, и набор цитат, характерных для русских преподобнических житий (см. об этом: *Карбасова Т. Б. О библейских цитатах в житии Кирилла Новоезерского* // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 85–192). Следует отметить, что с этой точки зрения как краткая, так и пространная редакции Жития Паисия Угличского вполне традиционны, в том числе и в начале повествования, где все библейские цитаты и реминисценции заимствованы из Жития Варлаама Хутынского.

(5) *николиже молитва во устех его не преста* (Л. 145) (вместо *И николиже молитва во оустѣхъ его прѣта* (Ал.-Нев. А-47. Л. 264 об.)).

Однако не во всех названных случаях понятно, свидетельствует ли появление подобных разночтений о намеренной правке или отражает языковую компетенцию создателя конкретного списка. Совокупность этих особенностей в рукописи Тит. 2642 (вместе с заметным расширением сферы независимого употребления л-форм — 74 случая вместо 5–7 по другим спискам) позволяет отнести язык списка к гибриднему регистру (в терминологии В. М. Живова)²².

Яркие примеры риторической разработки тем и мотивов представлены в поздней редакции Григория Дмитриевича Серебrenникова (Тихомерова)²³, которая читается в рукописи Вяз. Q. 37 (приведу фрагмент из вступления):

(6) *проразвѣмѣша ꙗко всѧ сътъ временна, земнаѧ оубо встѣвивше на небо възыдоша* (Ал.-Нев. А-47. Л. 232) / *проразумеша бо они богоноснии отцы наши ꙗко вся суть зде красная временна погибающа и скоротлеюща и сего ради вся земная оставивше и на небо умы и сердцемь своим мыслѣнно горѣ ꙗко небопарнии орли възыдоша* (Вяз. Q. 37. Л. 17)²⁴.

Риторические приемы, к которым прибегает Дружина Осорьин при составлении пространной редакции Жития Юлиании Лазаревской, также вполне традиционны. В целом этот тип правки можно охарактеризовать как словесную разработку отдельных тем и мотивов текста. Помимо дополнительных бытовых деталей и фактических подробностей, о которых речь пойдет ниже, в первоначальный текст включаются языковые средства, передающие большую степень интенсивности признака или действия:

(7) *не поведати никому / не поведати никому же в животе и по смерти ся.*

С этой же целью используется градация, традиционные житийные мотивы реализуются в полной форме:

(8) *ꙗко всем дивитися о ней / ꙗко дивитися свекру, свекрови и южилом их.*

Ярким и в то же время характерным примером риторического развертывания служит прием амплификации. Если в краткой редакции читаем: «она же послуша учения и наказания внятно и делом исполняше», то в пространной редакции этой фразе соответствует:

(9) *Она же внятно со всем прилежаньем послуша божественного учения и наказания и, ꙗко земля блага, всеянное в ню с прибытком возрасти. Не точию послуша учения, но и делом вся исполнити тщашеся* (С. 124).

Сравнение, противопоставление, повтор вводятся в исходную фразу, и тема оказывается полностью исчерпана. Пространная, более каноническая, редакция в большей степени, чем краткая, ориентирована на правила риторической организации текста, когда каждый мотив, каждая тема стремятся к наиболее полному словесному воплощению.

В качестве особого вида правки в Житии Паисия Угличского выделяется детализация, конкретизация повествования. Эти вставки особенно важны для рассматриваемого памятника, так как именно помещение жизнеописания преподобного Паисия в контекст исторических событий, притом в интерпретации местных исторических источников и преданий, по-видимому, и было основной целью создателей пространной редакции Жития.

²² Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 68, 89.

²³ О. С. Сапожникова, описывая приемы работы с агнографическим текстом Сергия Шелонина, соловецкого книжника XVII в., называет среди основных авторские ремарки, уподобление евангельским сюжетам, усложнение фабулы за счет вымышленных деталей, введение дополнительных географических и этнографических сведений, стилистическую обработку, украшение текста отрывками компилятивного характера (Сапожникова О. С. Сказание о Яренских чудотворцах и методы работы древнерусского автора // Русская агнография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 546–578).

²⁴ Здесь и далее при цитировании пространной редакции Жития Паисия Угличского по списку Вяз. Q. 37 (примеры (6), (11), (12)) курсивом выделяется редакторская правка Г. Д. Серебrenникова (Тихомерова), вставные эпизоды и фрагменты текста, которые отсутствуют в других списках пространной редакции Жития.

Большинство подобных вставок связано с внесением в текст фрагментов, посвященных княжению и смерти князя Андрея Большого и его детей. Григорий Дмитриевич Серебrenников (Тихомеров) помещал на полях рукописи маргиналии, уточнявшие и дополнявшие исторические сведения, которые читаются в других списках:

(10) Зри и московский древний летописец(ец) сказует, что ж увезен благоверный князь Андрей к Москве и там в темнице уморен бысть гладом, а погребен тамо же в Архангеле в соборе, что там и гробница его и донынѣ и образ всем ясно зрится (Вяз. Q. 37. Л. 45 об.).

Однако далеко не все вставки, дополняющие повествование, можно интерпретировать как достоверные. Так, в «Слове о преставлении преподобного» в редакции Григория Тихомерова читаем:

(11) Посем же повеле возвестити и преподобному отцу нашему пустыннику Касияну свое пернемогание и зѣлную скорбь. Той же сия слышавъ и скоро прииде ко преподобному отцу нашему Паисѣю. *Тогда видевъ его святой и возрадосая о нем сѣло яко сподоби его Богъ наконецъ узреться с духовнымъ своимъ братомъ пригласив же его к себѣ и нечто тай преподобный блаженному заветава тихо ко уху глаголя потом же лобза его духовнымъ целованием и вручи ему свое христособранное стадо* (Вяз. Q. 37. Л. 50 об.). Ср.: посемъ же повелѣ възвѣстити и прѣбномъ ѿцѣ нашемъ пвстѣнникъ касіанъ свое пренемоганіе и зѣлнѣю скорбь. той же слѣшавъ сѣа, и скоро прѣидѣ ко преподобнѣу ѿцѣ паисѣю: свѣтѣй же врѣчи ему въ свое стадо (основной вариант пространной редакции, цит. по списку Ал.-Нев. А-47. Л. 265 об.).

Можно предположить, что в основе этого эпизода лежит устное предание, однако Житие Кассиана Учемского вообще не содержит упоминаний о последней встрече преподобных Паисия и Кассиана.

Детали, которыми автор дополняет повествование, часто носят этикетный, а не фактологический характер. С этой точки зрения показателен эпизод обретения иконы Покрова Богородицы, которая не дается в руки никому, кроме преп. Паисия, что является общим местом многих сказаний о чудотворных иконах:

(12) И сия надзираше старец на долг час и чюдяся бывшему и восхоте прикоснутися чюдной той иконе, но весма не возможет и протчее остави свой водонос и тече скоро в манастырь и преподобному отцу неизгласную сию радость о чюдесней явившеися иконе поведает. Преподобный же сия слышав и возрадосая зело и тече скоро в соборную церковь и братию всю собра и славяще Господа Бога и Пречистую Владычицу Богородицу с литиею и со кресты из монастыря изыдоша и пришедше на показанное место берега и узреша вси небесныя царицы икону явившуюся аки небесным и божественным неким дар послан от самыя пречистыя владычицы от небес под горою на реце Волге не уже волнами яко ж преж един старец зряще носящуюся, но прямо обители на воде аки на воздухе стоящу и лучи некоего света божественна испущающую. И таковая зряще преподобный отец и вся братия и падше вси ниц на землю и благодарствена пречистей възсылающе Богородице и со страхом и радостію великою прикоснуся пречистей и чюдней той иконе сам преподобный отец Паисей и взя на свои руки божественный той Богоматери явленный образ и виде яко солнце сияющее от иконы божественный зрак пресветлаго лица ея явлением же покров именуся (Вяз. Q. 37. Л. 36—36 об.).

Распространение повествования диалогами и бытовыми деталями можно признать литературными приемами, придающими тексту больший динамизм, делающими его более выразительным и интересным, но вряд ли отражающими исторические реалии. В качестве еще одного примера можно привести отрывок из пространной редакции по списку Ал.-Нев. А-47 (13). Во вставной по отношению к краткой редакции части «О создании обители преподобного» описывается второй приезд князя Андрея на место чудесного перенесения заложенной накануне деревянной церкви:

(13) также и самъ кнѣзь более не дерзаша преносити зданіе с мѣста сего вбители, но развмѣвзъ бжїе тѣ бзїти изволеніе в вбители прѣпнаго оца, и возва к народу велегласно: зде гдѣ блгословитъ, *В дрззи мои, оугодникъ своемъ прѣпномъ оцѣ нашемъ павсію мѣсто вѣтити, покоино на вселеніе спасающимъ с нїи, всѣмъ мнїхомъ, развмѣвѣ волю бжїю. на сіа же и народъ наkw единѣми оустъзи вси воскликнѣша рѣкоша такw: слава спасителю всѣхъ хртѣ бгѣ нашемъ, чюдотворцемъ в насъ преподобнѣи оцмъ нашимъ* (Ал.-Нев. А-47. Л. 241 об. – 242).

Раздел «О создании обители преподобного» отсутствует в краткой редакции. Предание о чудесах, которыми сопровождалось основание первой деревянной церкви на территории монастыря, объясняет, почему монастырь в первые десятилетия своего существования назывался Богоявленским: и повелѣша кнѣзь и прѣпнзи оцѣ нареци храмъ мнзи во имѣ бгоявленїа гднѣ: за то что бгѣ яви на том мѣсте свою бжественнѣю блгодать (Ал.-Нев. А-47. Л. 242). Кроме того, исследователи полагают, что преп. Паисий не основал новую, а возобновил и устроил уже существовавшую обитель²⁵ и, возможно, именно этот факт нашел скрытое (и вместе с тем соответствующее житийному канону) отражение в описании чудесного перенесения церкви с одного места на другое. Диалог внутри эпизода, описывающего местное предание, является литературным приемом.

Итак, сопоставление редакций и отдельных списков Жития Паисия Угличского позволяет проиллюстрировать три основных приема редакторской правки, связанных с приращением текста в рамках традиционной агиографической поэтики. К ним относятся введение в текст цитат из Священного Писания, стилистическая обработка отдельных фрагментов (словесная разработка тем, привлечение новых стилистических фигур), детализация и диалогизация повествования.

В Житии Юлиании Лазаревской конкретизация, детализация отдельных эпизодов носят несколько иной, чем в Житии Паисия, характер, так как составитель пространной редакции, сын блаженной Юлиании, по-видимому, являлся свидетелем, а иногда и участником описываемых событий. Ряд бытовых подробностей выглядит, таким образом, вполне правдоподобно:

(14) во отходной храмине / во отходней храмине, *иже бе отлучена на прїятїе гостей странных;*

(15) во ино село в пределы нижеградъцкия / во ино село, *нарицаемо Вочнево*, в пределы нижегородския.

Однако некоторые вставные эпизоды, помещенные в пространную редакцию и отсутствующие в краткой, не поддаются однозначной интерпретации с точки зрения достоверности, так как, с одной стороны, сообщают дополнительные факты из жизни Ульянии Осорбиной, а с другой — приближают первоначальный текст к житийному канону:

(16) многу же милостыню отай творяше в нощи / Многу же милостыню и отай *свекра своего и свекрови творяше, точїю единой малей рабицы сия сведуци, с неюже посылаше милостыню требующим. Се же творяше по вся нощи, никомуже сведуцу* (С. 126).

Яркие примеры распространения текста за счет традиционной житийной топики представляют собой эпизоды, связанные с мотивом мученичества, переосмысленного на бытовом уровне:

(17) а в нощи, воставая, моляшеся Богу, особъ стояше, никимъ подѣдержима, глаголаше бо: «И у большаго Бог истязует молитвы духовныя» (С. 112) / в нощи же вставая, моляшеся Богу, никим не подѣдержима. *Рабыни же ея посмеяхуся, глаголюще: «Неправо болит: в день лежит, а в нощи вставая молится». Она же разумевши, глагола им: «Что мя посмехаете? Не весте ли, яко и у болнаго истязует Бог молитвы духовныя?» И ина многа глаголаше от святых книг* (С. 139).

(18) и никого не оклеветаше / И никого же *от согрешающих раб* не оклеветаше, и того ради от свекра и от свекрови и от мужа сварима бе. *Она же ни от чего не смущашеся,*

²⁵ См. об этом: Горстка А. Н. Из истории культурной жизни Углича времени Андрея Васильевича Большого // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич, 1998. Вып. 5. С. 56.

но аки столп непоколебим непрестанно стояше, и всю надежду свою на Бога возлагаше и на Пречистую Богородицу, и великому чудотворцу Николе тепле призываше (С. 127).

Таким образом, сопоставление редакций Жития Паисия Угличского и Жития Юлиании Лазаревской иллюстрирует два разных направления редакторской правки. В первом случае агиограф насыщает канонический текст многочисленными историческими подробностями, деталями монастырского быта (не всегда правдоподобными), которые, с одной стороны, помещают жизнеописание преподобного в контекст истории Углича, а с другой стороны, нарушают строгую композицию житийного жанра. Во втором случае, составитель пространной редакции жития Юлиании Лазаревской, внося правку в раннюю редакцию жития, стремился приблизить текст к агиографическим канонам путем включения в него ряда житийных топосов и разработки традиционных мотивов и тем при помощи риторических приемов.

На всех этапах работы с текстом редакторы прибегают к одним и тем же приемам, преследуя при этом принципиально различные цели. Это свидетельствует о том, что к XVII в. в рамках агиографической традиции были разработаны универсальные приемы, позволяющие, находясь внутри этой традиции, решать самые разнообразные задачи по преобразованию житийных текстов и распространять эти тексты вставками разного содержания и предназначения.

ИСТОЧНИКИ:

Краткая редакция Жития Паисия Угличского:

РНБ. Собрание Титова. № 4217. XVII в.;

РНБ. Q.XVII.69. XVII в.;

РНБ. Собрание Титова. № 43. Сер. XVIII в.;

РНБ. Собрание Погодина. № 1940. XVIII в.;

СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 253. XVIII в.²⁶;

ГИМ. Собрание Соколова. № 62. XVIII в.

Пространная редакция Жития Паисия Угличского:

РНБ. Собрание Александро-Невской лавры. А-47. XVIII в. (Ал.-Нев. А-47);

РНБ. Собрание Титова. № 2642. XIX в. (Тит. 2642);

РНБ. Собрание Вяземского. Q. 37. XVIII в. (Вяз. Q. 37);

БАН. Собрание Археографической комиссии. № 223. XVIII в. (Археогр. 223);

ГИМ. Собрание Соколова. № 53. XIX в. (Сок. 53);

ГИМ. Собрание Барсова. № 869. XIX в. (Барс. 869);

ГИМ. Собрание Вострякова. № 990. XIX в. (Востр. 990);

ГИМ. Собрание Вахрамеева. № 876. XIX в.;

Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Уг-6358. XIX в. (Уг. 6358).

²⁶ Рукописи РНБ. Собр. Погодина. № 1940 и СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 253 выявлены по электронному каталогу «Источники русской агиографии», создаваемому в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ РАН.